ИЗВЕСТИЯ
г. Москва
24 ДЕК 1975

МХАТу — 75 ЛЕТ

САМЫЕ ЗАВЕТНЫЕ ДНИ

Виктор СТАНИЦЫН,
народный артист СССР

□ □

В волшебном искусстве театра время — понятие емкое. Здесь оно может обретать необычайную плотность — за один вечер на сцене может пройти целая человеческая жизнь, девять лет пролететь, как девять минут. Сколько разных, порой, противоположных судеб может прожить актер за свою жизнь! Но как бы ни было быстротечно наше время, в нем всегда есть часы, дни, которые озаряют твою жизнь немеркнущим светом, навсегда остаются в сердце артиста как самые заветные, потому что окрылялись они вдохновенным творчеством, несли с собой духовные ценности.

Я думаю об этом сейчас потому, что только закончился на нашей мхатовской сцене новый спектакль с таким необычным названием — «Соло для часов с боем» О. Заградника. Спектакль, который для нас, участвующих в нем актеров нынешнего старшего поколения МХАТа, став с первых своих шагов во многом личностным, дорогим и значительным. Только что закрылись крылья занавеса с эмблемой — летящей чайкой. Только что мы ушли со сцены. А все еще взволнованы, разогреты спектаклем, теплом зрительского приема. Я вижу, как молодо светятся глаза моих многолетних друзей, прекрасных артистов О. Андровской (как будто и не было днем у нее недомогания), М. Яншина, М. Прудкина, как закуривает папироску в коридоре А. Грибов. Да, для нас этот спектакль дорог не только потому, что готовили мы его с особым волнением к 75-летию нашего родного театра, что говорится в нем о сказах поколений, о духовном богатстве и красоте жизни самых обычных людей. Он, этот спектакль, дорог нам еще и потому, что в нем опять мы собрались вместе, как много лет назад, когда были молоды и с юношеской энергией работали над «Днями Турбиных» М. Булгакова. И я помню, как ушла настороженность тех «стариков», как мы их ласково называли, так много сделавших для нашего театра, они поверили в нас. Л. Леонидов сказал тогда: «Я думал: вы — наши пасынки, а вы — наши родные дети!».

После этого нам, молодым, было доверено сыграть многие ведущие роли в другом спектакле МХАТа — «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, который внес свежую струю в жизнь театра, в спектакле, посвященном революции, проникнутом народным духом. Мы играли фактически наших современников, борцов за Советскую власть. Образы, созданные молодыми Н. Баталовым (Васька Окорок), М. Кедровым (Сим Бен-у), М. Прудкиным (Неведомов), наряду с прекрасными работами В. Качалова (Вершинин) и И. Хмелева (Пехлеванов), как и сам спектакль, вошли в историю театра...

А ниточка воспоминаний протягивается еще дальше. Я всего на год старше МХАТа. Он — вся моя жизнь. Наверное, каждый из нас мог сказать так же. Мои первые театральные впечатления связаны с этим. Помню себя еще гимназистом первых классов, теплую мамину руку в своей, мы идем смотреть «Ревизора» во МХАТе. На всю жизнь запал мне в душу тот спектакль. Я так увлекся театром, что стал принимать участие в любительских постановках. Какая там гимназия! Конечно же, появились плохие отметки. Узнав про мои увлечения, мама воскликнула: «Какой ужас! Ну, хорошо, если бы ты хоть когда-нибудь стал артистом МХАТа, а то...» Она так и не увидела меня в спектаклях МХАТа, которому я отдал пятьдесят шесть лет своей жизни...

Сколько звездных часов и дней подарил мне мой родной театр, его прекрасные мастера, корифеи и, конечно же, его основатели — Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко! Мы имели великое счастье не только учиться у них, но и быть партнерами на сцене. Станиславский, Москвин, Тарханов, Леонидов, Качалов... Это была колоссальная школа. Мы приходили на смену такому поколению мастеров, рядом с которыми трудно было поставить кого-то еще. «Пользуйтесь, пока мы живы, берите, впитывайте все, что только можно, от нас»,— любил говорить нам Станиславский. Он знал, что смена поколений плодотворна только тогда, когда поколение берет все от учителей и вносит нечто свое, новое...

Одно из самых ярких воспоминаний о Станиславском связано с тем, как я играл вместе с ним в «Горе от ума». Можете себе представить, какие чувства испытывал я в костюме и гриме Молчалина, когда впервые моим партнером был Станиславский, игравший Фамусова! И, видимо, он заметил, что глаза у меня были беспокойными. Я неудобно себя чувствовал. И после первой сцены сразу за кулисами он меня остановил: «Одну минуту!.. Как я играл?..» Я что-то пробормотал невразумительное. Он остался недоволен и отпустил меня. На втором спектакле произошло то же самое: «А сегодня вы мне тоже ничего не можете сказать?» Тогда, уже на третьем спектакле, я решил, что буду следить за ним. И когда за кулисами все повторилось, я сказал ему, что в прошлый раз он играл сцену так, а сегодня по-другому и, как мне кажется, интереснее. «Молодец!» — похвалил он и ушел. И все. Только потом я вдруг ощутил, как необычайно легко мне стало играть. Так вот в чем был тактичный педагогический прием Станиславского! Ты тогда играешь хорошо, когда твое видение партнеров точно, когда ты внимателен к ним. Отсюда и рождается верное сценическое самочувствие, правда общения! Этот урок великого мастера, один из множества, я запомнил на всю жизнь и бережно стремился передавать своим ученикам, как заветное наследие.

Зажигательный огромный темперамент Станиславского, артиста, режиссера и педагога, заразительность, обаяние, трудолюбие и неувядающее мастерство, подвижническая любовь к театру, многие другие качества художника и человека делали его поистине удивительной и величественной фигурой в театре. Но рядом с ним я постоянно вижу и Немировича-Данченко. Мудрого, тонкого режиссера-педагога, умеющего искусно подвести актера к верному решению образа, к «секретам» нашей профессии. Его режиссерские «подсказки» всегда прежде всего раскрывали перед актером не как, а что надо делать.

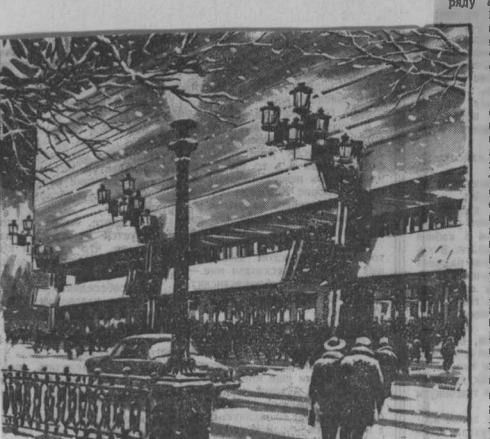
Мне посчастливилось работать с ним и в «Трех сестрах», и в «Горе от ума», и во многих других спектаклях. И всегда меня поражало его бережное отношение к актерам, к их находкам. А как часто он «подталкивал» воображение артиста! Помогая А. Тарасовой в работе над ролью Маши в «Трех сестрах», он говорил: «Мы воспитаны реалистически, и нам, как воздух, нужна эта простота жизни: ах, за ворот снег попал, чувствуешь, что холодит что-то мокрое... В комнате полумрак... Какой-то шум в печке... Надо снять шляпу, боа, перчатки... И от всего этого по-особенному звучат и ваши слова и ваш внутренний подтекст, самое важное. И ничто не помешает зрителям расслышать это самое важное. В ином «старом» театре актриса выходит на сцену: ах, влюблена!.. Влюблена, и больше ничего. Не существует для нас ни утро, ни вечер, ни погода, ни быт, а вот — влюблена! Поэтому получается поверхностная игра. А у нас все идет вглубь». И как гениально и просто помог он актрисе верно найти сочетание женских чувств: «А вы попробуйте теребить цепочку ваших часов...»

Как актер и как режиссер я многому научился у Немировича-Данченко. После увиденных великолепных режиссерских уроков Станиславского и Немировича-Данченко я долго не решался попробовать свои силы в режиссуре. Мне было около сорока лет, когда, наконец, я поставил спектакль «Пиквикский клуб» по Ч. Диккенсу, потом «Последние дни» М. Булгакова, «Русские люди» К. Симонова, «Марию Стюарт» Ф. Шиллера, «Вишневый сад» А. Чехова и другие. И каждый раз я держал как бы двойной экзамен: перед зрителями и — незримый — перед великими своими учителями. И мне радостно, что 75-летие родного театра я встречаю в эти дни и как режиссер нового спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского, и как актер, играющий в постановке нашего главного режиссера О. Ефремова «Соло для часов с боем».

Может быть, это глубоко личные мои думы о театре, без которого сегодня нельзя себе представить ни собственной жизни, ни Москвы, ни страны. Вместе с МХАТом мы переживали разные периоды, были и большие открытия, были и неудачные спектакли. В 30-е годы кое-кто из критиков даже пытался «похоронить» театр. Всякое бывало! Но в звездные дни свои МХАТ, искусство его прославленных мастеров всех поколений сыграли решающую роль в становлении социалистического реализма на театре. Нет, не хватит, наверное, и газетной полосы, чтобы назвать все те спектакли, лирические и героические, тонкие и патетические, проникнутые духом революционного преобразования и высокого гуманизма, тех замечательных драматургов, русских и советских, которых открыл театр, чтобы перечислить только актеров, режиссеров, художников, чьи полные любви и творческого горения сердца дали жизнь сегодняшнему МХАТу и заложили основы его будущего. Но четыре имени — Чехова и Горького, Станиславского и Немировича-Данченко — у нас всегда в сердцах на первом месте. Их любовь к театру и самоотверженная гражданская страстность ярких и самобытных художников окрыляют все поколения артистов Художественного, заставляют взыскательно и ответственно подходить к своему творчеству.

Я убежден, что волшебство бессмертия театра, его неиссякаемость, пока в нем есть свежие, интересные художественные силы, заключается в том, что он всякий раз, но как бы на новом витке, рождается заново в своих лучших спектаклях. Бесконечное количество раз! Так было раньше, так есть сейчас. Посмотрите, как в постановке О. Ефремова современно, мощно звучит сегодня спектакль «Стаевары», как сочно, звонко, красочно и озорно предстал на сцене «Старый новый год» М. Рощина, какая глубокая поэзия человеческих чувств мягко освещает сцену в «Соло для часов с боем».

Наша профессия состоит из сплошных экзаменов — за себя, за товарищей по сцене, за драматургов. И если сегодня царит радость на премьере, если взволнованны актеры, режиссеры, гримеры, костюмеры, все, кто создавал спектакль,— значит, театр молод и в свои 75 лет, значит, и впереди у него немало звездных дней!..



У нового здания МХАТ на Тверском бульваре. Рис. Р. Иванова.